

В. А. Зверев

**СЕМЕЙНЫЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ: ГОДОВОЙ
ЦИКЛ СВАДЕБ, РОЖДЕНИЙ И СМЕРТЕЙ В СЕЛЕНИЯХ СИБИРИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)**

Опубликовано: *Зверев, В. А.* Семейный демографический календарь: годовой цикл свадеб, рождений и смертей в селениях Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) / В. А. Зверев // *Семья в ракурсе социального значения* : сб. науч. статей / отв. ред. Ю. М. Гончаров. – Барнаул : Изд-во НП «Азбука», 2001. – С. 127–145.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Народный календарь, как известно, является одним из ярчайших проявлений традиционной культуры любого этноса и основной формой ее хронологической организации. Русскому народному календарю и, в частности, его сибирским вариантам посвящен обширный круг исследовательской литературы¹. Однако неоправданно малое внимание уделяется «семейной составляющей» этого календаря: посезонному и помесечному распределению – годовому кругу именно *брачной и семейной* повседневной жизни. Слабо изучен, например, вопрос о том, каким образом в семейной повседневности по сезонам распределяются зачатия и рождения детей, браки «возросшей» молодежи, смертность близких людей. Между тем, очевидно, что распределение демографических событий в ежегодном цикле (мы предлагаем называть это распределение вместе с его социокультурной и ментальной мотивацией семейным демографическим календарем) является индикатором многих исторических особенностей образа жизни семьи и составляющих ее структур.

Нельзя сказать, что эта тема вовсе не интересовала ученых. В этнографических трудах констатируется, что время браков у русских определялось сельскохозяйственным календарем (играли свадьбы в свободный от работ осенне-зимний период), что имел значение также церковный календарь – в пост браки не венчались². Однако массовые статистические данные для обоснования этих положений этнографы не привлекали. Историки лучше оценивают значение строгих количественных показателей. Так, Б. Н. Миронов анализировал статистику населения Европейской России за 1867–1910 гг. и обнаружил в эволюции помесечного числа свадеб свидетельство отхода городского населения от традиционной модели брачности, а в изменениях сезонного соотношения рождений – следы начавшейся секуляризации массового

---

¹ **Болонев Ф. Ф.** Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1978; **Зеленин Д. К.** Восточнославянская этнография. 2-е изд. М., 1991. С. 389–409; **Соколова В. К.** Календарные праздники и обряды // *Этнография восточных славян*. М., 1987. С. 380–395; и др.

² См., например: **Макашина Т. С.** Свадебный обряд // *Русские*. М., 1997. С. 474.

сознания³. Некоторые аспекты семейного демографического календаря затрагивались и в научных трудах о Сибири. В частности, в наших работах с опорой в основном на источники второй половины XIX в. по-новому трактуется время свадеб (выделены основной зимний период и второй по значению – осенний); при объяснении распределения рождений по месяцам наряду с экономическим и религиозным указан природный фактор; анализ сезонной летальности помогает выяснить причины непомерной детской смертности в селениях Сибири⁴. Историк А. Н. Сагайдачный рассмотрел данные по с. Викулово Тарского округа (уезда) Тобольской губернии за 1863–1914 гг. и подкрепил наши выводы относительно сезонности зачатий и рождений в крестьянской среде⁵. Однако уже привлеченные специалистами источники по теме, относящиеся к Сибири, не являются достаточно полными, особенно слабо они освещают период начала XX столетия. Исследования либо локальны по территориальному охвату, либо имеют тезисный характер и в любом случае не дают комплексного анализа проблемы.

В настоящей статье ставятся следующие задачи: 1) сформировать представление о семейном демографическом календаре как перспективном комплексном объекте историко-демографического и историко-этнографического исследования; 2) ввести в научный оборот и проанализировать, в сопоставлении с нарративными материалами, новый представительный массив демографической статистики о помесечном распределении демографических событий в Сибири; 3) путем сравнения, с использованием математико-статистических методов, выявить сезонную специфику демографического – матримониального, репродуктивного и витального – поведения русского крестьянства и казачества в ряде губерний и областей Сибири; 4) в комплексе охарактеризовать роль природного, экономического и культурно-религиозного факторов в формировании годового цикла браков, рождений и смертности в селах региона.

Почти все показатели о числе рождений, браков и смертей по месяцам года в населении России досоветского периода основаны на информации, внесенной в метрические церковные книги, где при отправлении религиозных треб фиксировались даты абсолютного большинства демографических событий. Часть метрических книг, относящихся к периоду второй половины XIX – начала XX в., сохранилась в архивах, однако нет ясного представления о степени полноты и уровне репрезентативности этого комплекса, и потому использование его

---

³ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 1999. Т. 1. С. 169–171; Т. 2. С. 327–332.

⁴ Зверев В. А. Дети – отцам замена: Воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.). Новосибирск, 1993. С. 78–80, 83–84, 94–96; Он же. Годовой круг деторождений в селениях Сибири: влияние природы, экономики и религии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2001. № 2. С. 31–35.

⁵ Сагайдачный А. Н. Демографические процессы в деревне Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск, 2000. С. 71–72, 82–85.

для изучения ситуации в общесибирском масштабе затруднено. В настоящей статье мы воспользовались уже опубликованными обобщенными данными метрических книг по ряду обширных местностей.

Обстоятельства появления этих данных таковы. Томский педагог и издатель А. И. Ефимов обработал ведомости, ежегодно на основе метрических книг составлявшиеся настоятелями храмов, а затем направлявшиеся в губернский статистический комитет. В итоге были получены сведения о сезонной рождаемости, брачности и летальности в основной (более 90 %) православной части населения всей Томской губернии за 1870–1880 гг.⁶ Войсковой врач В. П. Гедройц-Юраго особо отметил, что метрические книги казачьих церквей дают «вполне удовлетворительные сведения» о рождаемости и смертности, и опубликовал соответствующие данные за 1878–1887 гг. по казакам, расселявшимся на Пресногорьковской линии в Петропавловском уезде Акмолинской области⁷. Другой врач – А. К. Белявский – обработал метрики по большой казачьей станице Сретенской и прилегавшим к ней селениям Забайкальской области. Выявленные им сведения о годовом цикле рождений и смертей беспрецедентны по историческому охвату, «перекрывая» период с 1840 по 1920 г.⁸ В свое время были опубликованы также сводки данных метрических книг о брачности по Киренскому округу Иркутской губернии за 1873–1897 гг.⁹, о смертности в станице Сретенской за 1895–1897 гг.¹⁰

Особое место среди источников занимает официальная статистика Министерства внутренних дел (МВД). По губерниям Европейской России сезонность демографических событий отражена в ежегодных изданиях сборника «Статистика Российской империи». Цифры по Сибири и другим окраинам России в большинстве изданий этой серии не включены, так как считалось, что они недостаточно надежны. Однако в этом правиле есть исключения. «Статистика...» содержит сведения по Енисейской и Тобольской губерниям за 1902 г., по тем же регионам и Семипалатинской области за 1903 г., по Иркутской и Енисейской губерниям за 1904 г.¹¹ Здесь, в частности, помещены сводные таблицы о брачившихся, родившихся и умерших по месяцам. Показатели таблиц получены путем суммирования тех данных метрических книг, которые были включены в статистические отчеты местными органами

---

⁶ **Ефимов А. И.** Православное население Томской губ. по данным 1870–1880 гг. СПб., 1890. С. 11–17, 41–42. Далее количественные показатели по Томской губ. подсчитаны по этому источнику.

⁷ **Гедройц-Юраго В. П.** Санитарно-статистический очерк 3-го участка Сибирского казачьего войска (1878–1887 гг.) // Протоколы Омского медицинского общества. Омск, 1890. № 8. С. 138–148, 162–164. Далее сведения по казачеству Петропавловского уезда (в таблицах 1–2 – «Акмолинская обл.») исчислены по этому источнику.

⁸ **Белявский А. К.** Рождаемость, брачность и смертность г. Сретенска Забайкальской обл. с его окрестностями за время с 1840 по 1920 г. // Известия Общества врачей Южноуссурийского края. 1925. № 21. С. 662–663.

⁹ **Кокоулин К. К.** Естественное движение населения в Киренском уезде Иркутской губ. // Известия Восточносибирского отдела Русского Географического общества. 1903. Т. 34. № 2. С. 137–148.

¹⁰ **Колбасенко И. С.** Станица Сретенская (Забайкальской обл.), ее народонаселение и санитарный быт. Хабаровск, 1899. С. 116–121.

¹¹ Статистика Российской империи. СПб., 1907. Вып. 66. С. 252–257; 1909. Вып. 70. С. 252–257; 1911. Вып. 74. С. 252–257. Далее обобщенные сведения о браках, зачатиях, рождениях и летальности в Тобольской, Енисейской и Иркутской губерниях подсчитаны по этому источнику.

управления. Суммарные показатели уточнены, исправлены в Центральном статистическом комитете МВД.

В указанном официальном комплексе привлекает масштабность территориального охвата (целиком несколько губерний): она дает возможность распространять выводы, сделанные на основе анализа этого источника, на всю территорию Сибири, особенно при условии привлечения сравнительных материалов по другим, не столь обширным местностям. Хорошо, что в таблицах даны отдельные строчки показателей по городам и уездам, это позволяет специально характеризовать ситуацию в сельском населении, а фактически – в крестьянской среде. С другой стороны, смущает узкий хронологический охват. Чтобы получить наиболее представительный материал для анализа, уменьшить влияние на источниковую базу тех или иных случайностей конкретного года, по Тобольской и Енисейской губерниям мы суммировали данные за 1902 и 1903 гг. Ситуацию в этот двухгодичный период можно считать в достаточной степени типичной для более длительного этапа на рубеже XIX–XX вв.

Пересчитав часть данных А. И. Ефимова, В. П. Гедройц-Юраго и статистических сборников МВД, мы построили таблицы 1–3, в которых представлен разброс браков, зачатий, рождений и смертей по календарному году в селениях Сибири второй половины XIX – начала XX в. Особо оговоримся, что в соответствии с задачами статьи здесь показано не абсолютное количество демографических событий, а исчисленное нами их соотношение в процентах и (или) относительное значение в разные месяцы при среднемесячной величине за год, принятой за 1000. Конечно, статистика дает возможность установить только приблизительное сезонное соотношение семейных демографических «происшествий». Приблизительность объясняется неполнотой метрической регистрации, случавшимся ее запаздыванием по отношению к реальным событиям и иными факторами. Однако погрешности в данном случае невелики, об этом свидетельствует достаточно четкое проявление в вычисленных показателях строгих закономерностей семейного демографического календаря. При объяснении «клиометрических» выкладок незаменимыми для нас оказались сведения, почерпнутые из этнографических и медико-топографических описаний, мемуаров современников, врачебных отчетов медицинских учреждений и иных нарративных источников.

БРАЧНОСТЬ

История большинства семей, как известно, начинается со свадьбы – создается брачная пара, которая потом, после рождения у нее детей, может разрастись в семейную ячейку. Анализ данных о православном населении сельской местности Томской губернии за 1870–1880 гг., обо всем деревенском населении Тобольской и Енисейской губерний за 1902–1903 гг. (табл. 1) показывает, что браки крестьян крайне неравномерно распределялись по кален-

дарному году. Измерим *амплитуду годового колебания* с помощью двух показателей – вариационного размаха (разность между наибольшим и наименьшим значениями признака) и среднего квадратического отклонения, равного интервалу, внутри которого колеблются значения признаков вокруг их среднеарифметической величины¹². При средней арифметической, принятой за 1000, среднее квадратическое отклонение составляет в Томской губернии 1061, в Тобольской – 1238, в Енисейской – 1308. Годовой вариационный размах колеблется от 3960 демографических событий в Томской губернии до 4788 в Енисейской, т. е. до 480 % от среднемесячной величины.

Таблица 1

Помесячное распределение браков в сельском населении

Месяц	Томская губ.		Тобольская губ.		Енисейская губ.	
	%	при средней величине, принятой за 1000	%	при средней величине, принятой за 1000	%	при средней величине, принятой за 1000
Январь	33,0	3960	39,1	4692	40,1	4812
Февраль	17,8	2136	16,9	2028	18,7	2244
Март	–	–	0,8	96	0,4	48
Апрель	5,3	636	3,5	420	5,2	624
Май	7,1	852	5,4	648	5,8	696
Июнь	3,9	468	3,8	456	4,0	480
Июль	8,2	984	6,2	744	4,0	480
Август	1,4	168	1,3	156	1,0	120
Сентябрь	4,0	480	2,6	312	1,2	144
Октябрь	10,3	1236	9,5	1140	6,8	816
Ноябрь	9,0	1080	10,1	1212	12,6	1512
Декабрь	–	–	0,8	96	0,2	24

Данные таблицы 1 свидетельствуют также, что разброс свадеб по месяцам в разных местностях Сибири строго подчинялся общим закономерностям. Об этом красноречиво свидетельствует параллельность кривых линий сезонного изменения показателей в регионах. Очень высок *коэффициент линейной корреляции* годовой динамики браков между тремя губерниями: 0,98–0,99. Во всех регионах наблюдалось два всплеска матримониальной активности в году: зимний в январе-феврале, когда заключали 50–60 % всех браков, и осенний в октябре-ноябре, на который приходилось почти 20 % свадеб. В марте и декабре брачная активность населения практически замирала совсем, в августе она была крайне низкой, и в остальные месяцы количество свадеб было относительно невелико. Сходную

¹² Аппарат исчисления показателей вариации и корреляционного анализа парных зависимостей, примененный в данной статье, см.: **Славко Т. И.** Математико-статистические методы в исторических исследованиях. М., 1981. С. 47–58, 87–94.

картину дает статистика браков по Киренскому округу Иркутской губернии за 1873–1897 гг., только здесь зимний пик свадебной активности выражен еще рельефнее (73,9 %), а осенний ослаблен, составляя 8,3 %¹³. Русское население Восточного Забайкалья укладывается в те же закономерности¹⁴, и уверенно можно сказать, что они присущи селениям всей Сибири.

Выявленные закономерности требуют своего объяснения, и такое объяснение возможно с позиций многофакторного подхода. Начнем с того, что действует **культурно-религиозный фактор**. Православная церковь не венчала браки прихожан во время четырех многодневных постов: Великого (он длится 48 дней перед Пасхой и в изучаемое время почти всегда включал в себя весь март¹⁵), Петрова (20 дней в мае-июне), Успенского (1–14 августа) и Рождественского (15 ноября – 24 декабря). Действовал религиозный запрет на браки также между Рождеством Христовым и Крещением (25 декабря – 6 января), на протяжении Масленицы – недели перед Великим постом, в пасхальную неделю. Поскольку семейный свадебный обряд обычно включал в себя церковное венчание, в указанные сроки в русских деревнях свадьбы не играли. Отмеченное в таблице 1 небольшое количество браков в Тобольской и Енисейской губерниях принадлежит нерусскому населению. Указанные церковные запреты определяли сокращение числа браков также в феврале (в иные годы здесь начинались Масленица и Великопостье), в апреле-июне, августе, ноябре. На июль ни одного поста не приходилось, поэтому здесь отмечалось некоторое (небольшое) брачное «оживление».

Нужно отметить особое положение в семейном демографическом календаре некоторых христианских праздников: к ним сознательно старались «приспоровливать» начало, разгар или окончание сезонов сватовства и свадеб. Так, разгар осеннего свадебного периода у сибиряков, как и у русских в Европейской России, приходился на день празднования явления иконы Богородицы в Казани («Казанская», 22 октября); день Крещения Иисуса Христа 6 января знаменовал начало основного зимнего свадебного сезона¹⁶, и т. д. Культурный мотив из области суеверий удерживал сибиряков от брака в мае. Помнили поверье: «В мае жениться – век маяться», т. е. скверно жить между собою¹⁷.

Второй важный фактор, регулировавший распределение свадеб по месяцам – **хозяйственная деятельность крестьянства**, прежде всего цикл аграрных работ, но также и местные промысловые занятия. Осенний сезон сватовства и свадеб повсеместно открывался с

---

¹³ Подсчитано по источнику: **Кокоулин К. К.** Указ. соч. С. 137.

¹⁴ **Белявский А. К.** Указ. соч. С. 665.

¹⁵ Все календарные даты приводятся в настоящей статье по юлианскому календарю («старому стилю»).

¹⁶ См., например: **Макаренко А. А.** Сибирский народный календарь. 2-е изд. Новосибирск, 1993. С. 45, 81.

¹⁷ Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН. Разр. V. К. 78. П. 7. № 640. Л. 5; **Шамаев И.** Общий тип деревенской свадьбы в Тюкалинском уезде // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1902. Вып. 13. Отд. 2. С. 25.

Покрова Богородицы (1 октября), т. е. с окончанием полевых и огородных уборочных работ, когда появлялись продуктовые запасы и высвобождалось больше времени для гулянок. Впрочем, в Восточной Сибири, как свидетельствуют приведенные выше данные по Енисейской и Иркутской губерниям, по осени женились относительно немногие. И объяснение этому тоже лежит в области экономики. Врач и этнограф-любитель М. Ф. Кривошапкин писал так: «... в Енисейском округе свадьбы бывают уже после святок, потому что с осени – кто оканчивает занятия по хлебу, кто собирается в леса за зверем, кто управляется по дому ... кто приготавливается и потом начинает перевозить тяжести на прииска, кто приступает к рубке дров и себе, и на продажу, либо перевозит их, если есть готовые. Словом, у всех работа – отдыхать и играть свадьбы некогда»¹⁸.

Зимнее бракосочетание для крестьянской семьи в Сибири было удобнее осеннего по хозяйственно-бытовым причинам: продажа хлеба и мяса давала к этому времени денежные средства на свадьбу; «мужской полк» возвращался к морозам из тайги с охотничьего промысла; после свадьбы к весне – к новому хозяйственному сезону – в дом приходили молодая работница (при патрилокальном браке) или работник (при матрилокальном). Не случайно в архивах отложилось большое количество прошений крестьян к церковным властям о разрешении венчания именно в зимний мясоед, даже если сыну не успело исполниться необходимых для женитьбы 18-ти лет¹⁹.

Крестьянская экономика в значительной степени определяла и резкое сокращение числа свадеб в период с апреля по сентябрь включительно. Во время жизненно важных полевых и огородных работ брачными делами заниматься было некогда, да и средств на свадьбу у «нехватной» семьи до нового урожая не было. Нужно иметь в виду, что здесь на календарь браков опосредованным образом влияет и **природный фактор**. Известно, что климат Сибири (поздняя весна, ранние заморозки, короткий период вегетации растений и т. д.) обуславливал очень высокую степень интенсификации полевых работ в конце весны – начале осени, что в свою очередь понижало в это время матримониальную активность крестьянства.

Еще одно проявление воздействия природного (в данном случае – природно-биологического) фактора можно усмотреть в том, что крестьяне при подготовке к свадьбе волей-неволей должны были прогнозировать календарный срок рождения у молодоженов детей. Хотя в среднем, по имеющимся медико-статистическим сведениям, промежуток

---

¹⁸ Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь. М., 1865. С. 39.

¹⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 187. Д. 3673. Л. 1; Д. 4022. Л. 1; ТФ ГАТюмО. Ф. 156. Оп. 29. Д. 2202. Л. 85, 118, 149; и др.

между брачной ночью и рождением первенца составлял в Сибири 11–18 месяцев²⁰, велика была вероятность появления младенца уже через 9—10 месяцев: молодницы обычно исполняли свои репродуктивные обязанности «со рвением и неукоснительно» (по словам врача С. Арканова)²¹. Традиция заключать браки зимой была поэтому оправданной, поскольку дети в таком случае имели хорошие шансы родиться осенью, за зиму подрасти, и с весны «баба могла впрячься в работу и не ойкнуть ... малец мог обходиться хлебной соской и меньше тянул мать»²². Свадьбы, сыгранные в любой другой сезон, были менее благоприятными для времени рождения скорых первенцев. Впрочем, мы переходим здесь уже к рассмотрению вопроса о календарном распределении рождаемости в семьях.

РОЖДАЕМОСТЬ

Очевидно, что семейный календарь включает в себя два рода демографических событий, связанных по времени с браками, но еще теснее – друг другом: зачатия и рождения детей. Распределение этих событий по месяцам календарного года в ряде регионов Сибири показано в таблице 2. Кроме сельчан Томской, Тобольской и Енисейской губерний (за указанные выше годы) таблица охватывает казачество Петропавловского уезда Акмолинской области за 1878–1887 гг. Число рождений подсчитано здесь непосредственно по данным демографической статистики. Чтобы получить показатели зачатий, исходную базу данных о рождениях мы передвинули на девять месяцев назад. Разумеется, полученные таким образом показатели еще меньше, чем брачность, рождаемость и смертность, могут претендовать на абсолютную правильность: реально «ходить в тягости» женщина может иногда не девять месяцев, а короче или дольше, после некоторых зачатий случаются выкидыши и мертворождения, не отмеченные в статистике рождений, и т. д. Однако за неимением более точных сведений ряд ученых успешно пользуется такими приблизительными подсчетами²³, и мы последуем их примеру.

Таблица 2

Помесячное количество зачатий и рождений в сельском населении (средняя величина принята за 1000)

Месяц	Томская губ.		Акмолинская обл.		Тобольская губ.		Енисейская губ.	
	зачато	рождено	зачато	рождено	зачато	рождено	зачато	рождено

²⁰ Арканов С. К антропологии сибирячки (половая жизнь) // Сибирский врач. 1917. 20 нояб.; Талько-Грынцевич Ю. Д. К вопросу об изучении физиологических явлений половой жизни женщин в Забайкалье. СПб., 1903. С. 32, 35.

²¹ Арканов С. Указ. соч.

²² Филоненко И. Е. Хлебопашец: Документальная повесть. М., 1984. С. 18.

²³ См.: Миронов Б. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 327–330; Сагайдачный А. Н. Указ. соч. С. 71–72; и др.

Январь	1019	1063	1196	1008	1069	1063	1097	1016
Февраль	1018	946	1041	905	1022	916	1090	888
Март	884	1004	911	966	877	1021	861	1031
Апрель	1063	902	1008	927	1063	809	1016	897
Май	946	1013	905	827	916	919	888	862
Июнь	1004	1143	966	966	1021	1089	1031	1074
Июль	902	1104	927	1140	809	1163	897	1087
Август	1013	1028	827	1137	919	1102	862	1148
Сентябрь	1143	877	966	977	1089	951	1074	948
Октябрь	1104	1019	1140	1196	1163	1069	1087	1097
Ноябрь	1028	1018	1137	1041	1102	1022	1148	1090
Декабрь	877	884	977	911	951	877	948	861

При анализе таблицы 2 становится очевидным, что помесечные колебания количества зачатий и рождений во всех регионах на всем протяжении изучаемого периода были довольно заметными, хотя и не столь сильными, как в случае со свадьбами. Годовой вариационный размах колеблется от 266 демографических событий в Томской губернии до 369 в Акмолинской области, т. е. до 37 % от среднемесячной величины. Среднее квадратическое отклонение равняется 81 в селениях Томской губернии, 91 – в Тобольской, 99 – в Енисейской губернии, 106 — у казаков Акмолинской области. Можно констатировать также довольно тесную согласованность кривых линий сезонного изменения показателей в регионах. Коэффициент линейной корреляции между Тобольской и Енисейской губерниями составляет 0,89; между Томской и Тобольской – 0,83; у Томской и Енисейской – 0,70. Несколько особняком стоит Акмолинская область: коэффициент линейной корреляции здесь велик при сравнении с Енисейской губернией (0,86) и Тобольской (0,76), но меньше при сопоставлении с Томской губернией – 0,42. Причину этого локального несоответствия мы постараемся раскрыть ниже.

Во всех без исключения регионах в осенне-зимний период наблюдалось увеличение интенсивности зачатий, а весной-летом происходил спад этой интенсивности. Соответственно, летом-осенью наблюдался подъем рождаемости, а в зимне-весеннюю пору происходило ее сокращение. В рамках этой генеральной закономерности некоторые месяцы демонстрируют отклонение. Так, в обстановке осенне-зимнего учащения зачатий декабрь дает одно из наименьших в году значений показателя. В условиях весенне-летнего спада уровни зачатий в апреле и июне оказываются, тем не менее, обычно выше среднемесячной величины. Сдвинемся на девять месяцев вперед и увидим, что низкая рождаемость в сентябре, высокая – в январе и марте вносят перебивки в плавное течение межсезонной динамики рождений.

Поищем объяснения выявленной картины. Ясно, что непосредственным образом на ситуацию воздействует **биологический фактор**. Физиологические особенности женского организма, формировавшиеся тысячелетиями, подталкивают его к особой половой активно-

сти осенью и в начале зимы (в условиях Сибири это октябрь-декабрь). Световой день тогда становится коротким, что сокращает в организме выработку мелатонина – гормона, подавляющего сексуальность, а иногда препятствующего наступлению беременности²⁴. С точки зрения природы, данный период – самый благоприятный для начала беременности, поскольку зачатые в октябре-декабре рождаются в конце лета – начале осени, когда малыши и сама мать меньше всего рискуют пострадать от голода.

Биологами также установлено, что в феврале-марте у женщин наступает естественное снижение способности к оплодотворению, что ведет к неизбежному сокращению рождаемости в ноябре-декабре – примерно на 14–15 %. По законам природы второй в году биологически обусловленный всплеск зачатий в Сибири должен был приходиться на апрель-май, ибо весной активизируется жизнедеятельность человеческого организма. Таблица показывает, что данный фактор действительно приводил к увеличению числа зачатий в апреле, рождений – в январе. Однако, как установил еще В. П. Гедройц-Юраго, он влиял на рождаемость в Зауралье слабее, чем в Европейской России, в силу зимнего истощения людей и растянутости весенних биологических процессов: «... сибирская весна, со своею бедною природою, не производит на население того оживляющего влияния, которое наблюдается на западе»²⁵.

Речь здесь идет уже о влиянии **природно-климатической среды**, которая детерминировала сезонность зачатий и рождений опосредованно – через хозяйственную деятельность крестьян, санитарно-гигиеническую обстановку в селениях и т. д. Климатические условия Сибири, в частности, длительные периоды летней жары, наличие обширных заболоченных местностей, благоприятствовали распространению в теплое время года эпидемий, особо опасных для рожениц и грудных детей. Зная об этом, иные крестьянки старались предотвратить зачатие детей в первые осенние месяцы, откладывали половую активность на конец осени и зиму – чтобы рождение ребенка не пришлось на начало лета. Выше уже шла речь о том, что климат Сибири определял высокую интенсивность летних аграрных работ, особенно в августе. «Август месяц – ягоды и грибы по праздникам, согнутся спины сотен мужчин и женщин на полях в будни», – свидетельствует М. В. Загоскин, знаток образа жизни крестьянства Восточной Сибири²⁶. В этот период крайнего напряжения сил свертывалась половая жизнь крестьян, происходили сбои менструального цикла у женщин. Интенсивность зачатий уменьшалась, что вело к падению рождаемости в конце зимы и весной, особенно в мае.

Специфика образа жизни крестьянства, стержень которого составляла хозяйственная деятельность, сезонность чередования рабочего и рекреационного времени – тоже немало-

---

²⁴ Сергеев Д. Осенней ночью думай обо мне: Интервью с сексологом, канд. мед. наук Э. К. Забковой // СПИД-инфо. 1997. № 7. С. 33.

²⁵ Гедройц-Юраго В. П. Указ. соч. С. 146.

²⁶ Загоскин М. В. Десять лет в сибирской деревне // Сибирский сборник. СПб., 1890. Вып. 1. С. 38.

важный фактор помесечной неравномерности деторождения в селениях. Объясняя зафиксированное в таблице 2 учащение зачатий с сентября-октября по февраль (исключая декабрь), нужно помнить, что в этот период заканчивалась страда и затем вовсе замирали аграрные работы, крестьяне имели в относительном изобилии калорийную пищу и приурочивали сюда молодежные игрища и свадьбы. Таким образом, подкреплялось воздействие охарактеризованного выше биологического фактора. Как результат, на летне-осеннее полугодие приходилось большинство рождений – до 55 %. Еще одну причину этого явления писатель-сибиряк Г. Д. Гребенщиков, сам рожденный и выросший в деревне на Алтае, объяснял так: «Летняя страда для матерей была вдвойне изнурительной – надо жать, и косить, и молотить, когда ребенок уже на сносях. Поэтому рождались прежде времени, как раз к зиме»²⁷.

С сезонностью крестьянской экономики связан и низкий уровень зачатий в мае, июле и августе, последствием чего становилось малое число рождений в феврале и апреле-мае. Как мы уже говорили, поздняя весна и лето являются периодом наиболее трудоемких полевых сельскохозяйственных работ – пахотных, посевных, сенокосных, хлебоуборочных. Явно выбивается из низкого летнего ряда всплеск количества зачатий в июне (а рождений, соответственно – в марте), но он хорошо объясним временным снижением интенсивности крестьянского труда между окончанием посевной и началом сенокоса.

Мы уже обращали внимание читателей на неполную типичность помесечного распределения зачатых и рожденных на Пресногорьковской казачьей линии в Акмолинской области по сравнению с иными регионами Сибири. Слаба корреляция годовых рядов показателей оттого, что в Акмолинской области июньский подъем половой активности населения почти незаметен. Летний спад зачатий являлся здесь наиболее глубоким и длился дольше, чем в Томской, Тобольской или Енисейской губерниях – не до сентября, а до октября. Такие отклонения от общей нормы можно объяснить спецификой образа жизни казачества: в летний период хозяйственная деятельность у него дополнялась активной воинской службой. Например, в июне проходили обязательные лагерные сборы, отвлекавшие от семьи всех мужчин в возрасте до 33 лет. Позднее начало осеннего всплеска числа зачатий связано с тем, что именно в октябре обычно происходило возвращение казаков в свои семейства с действительной полковой службы, которая длилась четыре года.

В разных краях Сибири и специфических группах населения могли существовать и иные особенности годового детородного круга. Так, у казачества в Восточном Забайкалье летом отмечено влияние на половую активность мужского отходничества на золотые прииски и

---

²⁷ Гребенщиков Г. Д. Егоркина жизнь // Сибирские огни. 1984. № 12. С. 83.

пароходные работы по р. Амуру²⁸. Сезонность рыболовного и охотничьего промысла также местами имела значение.

Перейдем теперь к анализу **роли религиозного фактора**. Хорошо известно, что православная церковь предписывает для верующих плотское воздержание во время постов, а также в большие религиозные праздники. Нарративные источники показывают, что сибирское крестьянство признавало эти предписания, считало их нарушение грехом, но соблюдало не очень строго. По статистическим материалам можно уверенно проследить воздействие на годовую цикличность зачатий и рождений только длительных многодневных постов – Великого и Рождественского.

Пасхальные таблицы показывают, что во второй половине XIX – начале XX в. месяц март почти всегда целиком входил в Великий пост. Теперь посмотрим на данные таблицы 2 и увидим, что именно на март приходилось в Сибири одно из самых малых в году число зачатых, а через девять месяцев в декабре – малое количество рожденных. Однако все-таки мартовские показатели далеки от нулевой отметки, и это косвенным образом подтверждает вывод, что сибиряки не слишком строго соблюдали религиозные сексуальные ограничения. Кстати напомним, что существует обусловленное природой снижение репродукции у женщин в ноябре-декабре – именно через девять месяцев после Великопостья, и декабрьский спад рождаемости объясняется действием не одного, а по меньшей мере двух факторов. Что касается Рождественского поста, то в него почти целиком входил месяц декабрь, и это явно отражалось на существовании в семейном календаре декабрьского минимума зачатий, сентябрьского минимума рождений.

Можно предположить также, что тормозящее воздействие на зачатия оказывали Петров и Успенский посты. Через девять месяцев после того и другого – в феврале и мае – наблюдались очевидные спады рождаемости. Однако указанные посты не охватывали ни одного полного месяца, и поэтому не ясно, в какой степени здесь играют роль именно они, а в какой – иные причины. Во всяком случае, В. П. Гедройц-Юраго категорически утверждал, что у казачества Акмолинской области «на уменьшении зачатий, прежде всего, сказывается влияние распределения летних полевых работ и в меньшей степени влияние постов»²⁹.

Характерно, что моменты выхода из длительных постов – из Великого в апреле и Рождественского с конца декабря в январе – в демографическом календаре отмечены всплесками количества зачатий. Здесь также логично предположить влияние культурно-религиозного фактора. Дело в том, что русское крестьянство воспринимало Рождество и особенно Пасху не как время общественных и домашних молитв, добрых дел и религиозных размышлений

---

²⁸ **Белявский А. К.** Указ. соч. С. 663.

²⁹ **Гедройц-Юраго В. П.** Указ. соч. С. 148.

(согласно предписанию официальной церкви), а скорее как повод к многодневным, часто разгульным празднествам, к продолжительному отдыху, усиленному потреблению «скоромной» пищи. В эти дни интенсивность и супружеских, и внебрачных половых отношений могла возрастать, что сказывалось на увеличении рождаемости соответственно в январе и октябре.

СМЕРТНОСТЬ

Важной составной частью семейного демографического календаря являлось посезонное распределение смертности «домашних». Таблица 3 характеризует это распределение по тем же источникам, по которым построена предыдущая таблица. Как и в случаях со свадьбами, с рожденьями детей, статистика обнаруживает тесную корреляцию годового протекания летальности во всех сибирских регионах. Линейные коэффициенты корреляции между губерниями колеблются от 0,91 до 0,97, только между Томской губернией и Акимоллинской областью коэффициент несколько меньше – 0,84.

Таблица 3

Годовое распределение смертности сельского населения (средняя величина принята за 1000)

Месяц	Томская губ.		Акимоллинская обл.		Тобольская губ.	Енисейская губ.
	в возрасте до 1 года	всего	в возрасте до 1 года	всего		
Январь	653	932	628	875	860	875
Февраль	575	804	554	797	759	758
Март	772	995	646	893	933	959
Апрель	737	954	706	921	851	889
Май	778	956	653	878	848	881
Июнь	1222	1106	1028	936	924	1009
Июль	2114	1481	1809	1343	1868	1414
Август	1982	1360	2593	1838	1828	1594
Сентябрь	988	969	1438	1136	950	1082
Октябрь	707	858	745	787	726	875
Ноябрь	611	784	593	723	697	818
Декабрь	629	800	600	873	756	845

Повсюду в Сибири таблица 3 фиксирует неравномерность распределения смертей по месяцам года. Амплитуда колебаний в данном случае не столь велика, как у кривой распределения браков, но гораздо больше, чем у годового хода рождаемости. Вариационный размах смертности составляет от 697 единиц у томских крестьян до 1171 в селениях Тобольской губернии, т. е. в максимуме доходит до 117 % от среднемесячной величины. Показатели смертности по месяцам колеблются вокруг их среднеарифметической, взятой за 1000, в следующем интервале: 210 единиц – у православных сельчан Томской губернии, 243 – в

енисейских селениях, 299 – у казачества Петропавловского уезда Акмолинской области и 387 – в тобольских деревнях.

Рассматривая календарное распределение смертности независимо от возраста умерших, исследователь обязательно обратит внимание на большое усиление летальности в период с июня до сентября включительно с пиком в июле-августе. В это время смертность была в 1,4—1,8 раза выше среднегодовых показателей. В остальные месяцы она не достигала среднегодовых величин. Заметен, правда, еще некоторый всплеск летальности весной – в марте или апреле, хотя далеко не столь высокий, как летом. Чтобы удовлетворительно объяснить выявленные закономерности, мы воспользовались тем, что статистика по Томской губернии и Акмолинской области делит сельское население на специфические возрастные группы, и в таблице 3 показали годовой ход смертности у младенцев в возрасте до одного года. Дело в том, что именно младенцы в изучаемый период составляли в деревнях нашего края, как и по всей России, основной контингент умирающих – в среднем 40–60 %³⁰, а значит, формировали генеральные закономерности смертности во всем населении.

Рассматривая календарь смертности отдельно в младенческой группе, нетрудно увидеть, что летний пик смертности в деревнях складывался именно за счет «челяденков» в возрасте до года. На период июня-сентября (третья часть года) приходилось более половины умерших в этом возрасте, а июле-августе количество смертей превышало среднегодовой показатель для данной группы в 2–2,5 раза. Факт формирования динамики летальности всего сельского населения под воздействием громадной младенческой смертности в летний период констатируется и в тех статистических источниках, которые не нашли отражения в нашей таблице: по Тобольской губернии за 1851 – середину 1860-х гг., Восточному Забайкалью за 1840–1920 гг. и др.³¹

Наши источники позволяют выделить в Акмолинской области и Томской губернии еще две возрастные группы — от 1 до 5 лет и свыше 5 лет, данные о которых не включены в таблицу во избежание ее перегрузки. Выясняется, что смертность детей в возрасте от 1 до 5 лет (таковые составляли 15–20 % всех усопших) в июле-августе была тоже велика, но все же в холодные месяцы они умирали значительно чаще грудных младенцев. На полугодие с ноября по апрель в томских деревнях приходилось 49 %, а у сибирского казачества – 55 % смертей в этой группе. В возрастной группе старше 5 лет статистика выявляет явный пик смертности не летом, а именно в зимне-весенний период, с декабря по май включительно. В

---

³⁰ Подробнее см.: **Зверев В. А.** Воспроизводство сибирского населения начальном этапе демографического перехода в России // «Сибирь – мой край...»: Проблемы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 1999. С. 132–134.

³¹ **Анучин Е. Н.** Смертность в Тобольской губ. // Памятная книжка для Тобольской губ. на 1864 г. Тобольск, 1864. С. 312–314; **Абрамов Н. А.** Город Ялуторовск с его округом // Тобольские губернские ведомости. 1864. 4 июля; **Белявский А. К.** Указ. соч. С. 667–668; и др.

этом полугодии крестьянские семьи в Томской губернии теряли 55 % умерших старше 5 лет, а пресногорьковские казаки – 59 %. В описательных источниках по некоторым местностям утверждается, что для всех групп населения, кроме детей, «самым опасным» для здоровья временем года была весна.

При объяснении выявленной картины, прежде всего, обратим внимание на действие **природного фактора**. Уже в досоветской медицинской статистике считалось установленным, что соотношение летней и зимней смертности населения в России зависит от географического положения территории. В Европейской России по мере продвижения на восток с понижением средней температуры зимы и усилением континентальности климата зимняя смертность понижалась, а летняя увеличивалась. На юге Сибири длительные периоды летней жары обуславливали раннее начало, непомерно высокий уровень и позднее окончание всплеска детской смертности; на севере региона смертность распределялась по месяцам более равномерно. Главной из естественных причин летнего максимума смертности можно считать именно длительную жару, которая приводила к перегреву организма, а в местах заболоченных и сырых, при отсутствии дренажа провоцировала бурное размножение возбудителей многих инфекционных болезней. Источники указывают, что ежегодно в Сибири «дети и преимущественно грудные младенцы до 1½ года включительно подвергались в летние месяцы простым и кровавым поносам, от которых и была значительная смертность»³². Поносом крестьяне называли главным образом дизентерию, страшные эпидемии которой являлись причиной ¼ всех смертей в деревнях и почти половины случаев гибели младенцев в возрасте до одного года³³.

Зимние морозы, столь характерные для Сибири, влияли на смертность скорее косвенно, заставляя членов крестьянской семьи скучиваться на долгое время в тесном жилище, что благоприятствовало заражению детей оспой, корью, скарлатиной (гибель от этих болезней преобладала в возрастной группе 1–5 лет), а взрослых – тифозной «горячкой». В переходное время года – весной и поздней осенью, когда в наших краях велики перепады температуры и часты холодные ветры, становилась максимальной опасность простуды, ведь дети и взрослые много времени проводили на улице.

Влияние природы на календарь смертности в семье можно усмотреть также в том, что **биологически** смертность связана с рождаемостью. Действительно, уязвимее всего жизнь новорожденных детей, и в первый месяц после родов от неустраняемых или трудно устранимых пороков организма в Сибири изучаемого периода погибало 20–30 % всех младенцев,

---

³² РГВИА. Ф. 330. Оп. 6. Д. 30. Л. 8.

³³ Здесь и далее показатели причинной обусловленности смертей в возрастных группах подсчитаны по источникам: **Белявский А. К.** Указ. соч. С. 671; **Гедройц-Юраго В. П.** Указ. соч. С. 169; **Колбасенко И. С.** Указ. соч. С. 117–118; **Сагайдачный А. Н.** Указ. соч. С. 134–137.

умерших в возрасте до года. По нашим подсчетам, связь между распределением рождаемости и смертности по месяцам (см. табл. 2 и 3) была сравнительно тесной у крестьянства Западной Сибири: коэффициент корреляции двух годовых графиков в Томской губернии равнялся 0,52, а в Тобольской даже 0,65. Используемые нами источники не улавливают такую связь у казачества Пресногорьковской линии и сельчан Енисейской губернии (линейные коэффициенты равны 0,45–0,46), но это может зависеть от слабой репрезентативности группировки по месяцам. «Маленькой», родившись в конце одного месяца, мог умереть через несколько дней в начале другого. Связь фактов рождения и смерти в реальной жизни семьи здесь налицо, а для статистики она не очевидна. Однако обратите внимание: тесная связь между летними пиками рождаемости и смертности является статистическим фактом во всех регионах Сибири.

Все-таки роль естественного фактора в данном случае не стоит преувеличивать, ведь в современных условиях почти в той же самой природной среде Сибири семейный демографический календарь выглядит совсем не так, как сотню лет назад. Решающим было влияние **народной жизнесохранительной культуры**, в первую очередь ее санитарно-гигиенических аспектов. Достоинства и пороки этой культуры проявлялись в образе жизни крестьянства и через него определяли статистическую картину сезонной летальности.

Объясняя гигантскую летнюю смертность младенцев от дизентерии и сопутствующих ей «поветрий», наблюдатели второй половины XIX – начала XX в. были единодушны в том, что здесь сказывалось неудовлетворительное в гигиеническом отношении содержание роженицы и ребенка в крестьянской семье. В разгар сезона рождений обычным делом было отсутствие тщательного осмотра и обмывания новорожденного, физические травмы от «правления» его головки, занесение инфекции при небрежном перерезании пуповины, содержание постоянно в душной атмосфере избы без прогулок на воздухе, что ослабляло детей и делало их восприимчивыми к болезни. Губительным оказывалось неправильное питание малышей, включавшее в себя все, «что едят взрослые», и основанное часто на скисшем в немойтй соске коровьем молоке. Детей постарше родители летом не уберегали от поедания незрелых огородных овощей, лесных ягод. Весенний всплеск смертности наверняка был связан с отсутствием у многих детей (да и у взрослых из бедняцких семей) удобной и теплой обуви, подходящей по сезону одежды. Обобщая выводы профессиональных медиков о причинах сезонного распространения эпидемий в Сибири, авторы отчета Главного управления врачебного инспектора МВД России за 1903 г. писали: «... неудовлетворительное экономическое положение и низкий культурный уровень сельского населения и вытекающие отсюда неблагоприятные санитарные условия его жизненной обстановки: теснота жилищ, грязное содержание их, неряшливость живущих и неудовлетворительное в качественном, а нередко и

в количественном отношении питание ... при отсутствии у населения сведений о сущности заразных болезней и о путях их распространения, при общей его косности и недоверчивом отношении к принимаемым и рекомендуемым противоэпидемическим мерам, и создают благоприятную почву для развития и распространения заразных болезней»³⁴.

В процитированной фразе, как и во многих других свидетельствах изучаемой эпохи, акцентирована **роль крестьянской экономики** в формировании сезонной смертности. Весной с началом полевых работ учащалась смертность подростков и взрослых по «производственным» причинам – вследствие травм и простуд от ночевки на сырой пашне. В период интенсивных аграрных работ в июле-сентябре малыши в деревенских семьях умирали еще и от недосмотра матерей, которые поголовно были задействованы на сенокосе, уборке хлебов и не появлялись дома сутками. Здесь сказывалась одна из особенностей сибирского сельского хозяйства: при залежно-паровой системе полеводства многие пашни располагались далеко от деревни. В. П. Гедройц-Юраго в 1888 г. при объездах своего врачебного участка собрал сведения о том, кто ухаживал за 310 грудными детьми, страдавшими дизентерией. Оказалось, что более 3/5 из них были лишены материнского молока и ухода, находились на попечении престарелых бабушек и дедов, малолетних сестер и «приходящих» нянек, нередко не справлявшихся со своими обязанностями³⁵. Сетования на «беспризорность» крестьянских ребятишек летом – общее место в нарративных источниках на всем протяжении изучаемого периода.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, через посредство нашей статьи в научный аппарат историков впервые вводится понятие *семейный демографический календарь*. Его можно считать одним из проявлений народного демографического календаря как более широкого понятия и явления народной культуры, образа жизни сельских и городских массовых слоев населения. На материалах сибирской деревни второй половины XIX – начала XX в. мы старались показать продуктивность использования нового интегративного понятия при изучении серии взаимосвязанных демографических событий семейной жизни – браков, рождений и смертей.

В реальной жизни любой отдельно взятой семьи, в метрической картине жизни крестьянства всего региона эти события имели привязку к конкретному дню, месяцу, сезону. Привлеченные нами массовые данные демографической и медицинской статистики позволили установить, что разброс демографических событий по календарю не был хаотичным, он

---

³⁴ Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1903 г. СПб., 1905. С. 40.

³⁵ Гедройц-Юраго В. П. Указ. соч. С. 172.

подчинен довольно строгим закономерностям. Статистически зафиксированные и отраженные также в описательных источниках закономерности матримониального, детородного и летального годового цикла у сельского населения Сибири находят удовлетворительное объяснение с позиций *многофакторного подхода*. Некоторые факторы действовали в одном направлении и как бы усиливали друг друга. Векторы воздействия других могли быть направлены в разные стороны и уравновешивались. В большинстве случаев влияние внешних условий опосредовалось крестьянской ментальностью и психологией, спецификой традиционной культуры, которая в изучаемый период начала втягиваться в процесс модернизации. Замысел нашей работы и объем публикации позволили рассмотреть здесь роль только основных факторов природного, экономического и культурно-религиозного характера. С теоретической точки зрения, очевидно, что имел место более широкий и дифференцированный набор объективных и субъективных условий, детерминировавших сезонность демографического поведения крестьян-сибиряков, но более тонкий их анализ – дело будущего.

Характеризуемая в данной статье ситуация была присуща Сибири в мирное время. Войны и революционные потрясения начала XX в. сильно изменили «нормальное» течение семейных демографических процессов, в том числе в их годовом разрезе. Применительно к Русско-японской войне это позволяют утверждать не только априорные теоретические соображения, но и данные привлеченных нами источников. В январе 1904 г. война началась, а уже в феврале-марте произошел «матримониальный обвал». За два месяца во всех селениях Енисейской губернии было сыграно только 15 свадеб, в уездах Иркутской губернии – 8. Вслед за этим упала рождаемость населения. При среднемесячной годовой величине, принятой за 1000, на берегах Енисея в ноябре 1904 г. родилось всего 780 «челяденков», в прибайкальских деревнях – 820, хотя при нормальном ходе событий должен был наблюдаться пик рождаемости. Изменилось и сезонное протекание смертности. Дело в том, что начало войны было ознаменовано массовым призывом в вооруженные силы мужчин репродуктивного возраста. Деформировалась половозрастная структура крестьянских семей, ухудшилось их материальное положение, сложилась ситуация психологического стресса. Уже тогда невдалеке замаячили призраки тех демографических катастроф, что сотрясали российское общество несколько раз на протяжении XX столетия. Эти катастрофы в значительной степени ослабили и основы семейного строя в нашей стране.